ГОРОДСКОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЕТСТВА: ГРАНИЦЫ И СЕТИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ ДЕТСКОЙ ПЛОЩАДКИ ТОМСКА)

А. И. Ермолова

Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Россия
mery-05@mail.ru

В работе рассматриваются повседневные городские практики томских родителей и детей на примере типовой детской площадки в одном из «спальных» районов Томска. В основе исследования лежит междисциплинарный подход: опираясь в теоретическом плане на работы представителя социологии повседневности И. Гофмана, в процессе эмпирического исследования я использовала методы включённого наблюдения и интервью. В настоящее время увеличивается интерес к проблемам качества городской публичной среды. Развитию городского пространства принято уделять внимание в центральной части города, так как центр города – это его «лицо», тогда как основная часть горожан живёт в обычных «спальных» районах, построенных ещё в советское время. В новых районах организация пространства для проведения совместного досуга детей и родителей решается сразу: они оснащены безопасными и комфортными игровыми площадками, беседками и т. п., так как целевая аудитория застройщиков – это молодые семьи с детьми. В старых районах ситуация с организацией городского пространства не так хороша. Детская площадка – это особое пространство, где могут проводить время не только дети, но и их родители или пенсионеры, живущие рядом. Это место, где есть свои правила и нормы поведения. Через антропологическое описание типовой площадки я попыталась понять, кто они – современные посетители детских площадок, для чего им нужны публичные пространства детства. Я прихожу к выводу о гетерогенности и неочевидности сообществ, проводящих время на детских площадках, а также о его широких функциональных возможностях, что позволяет говорить о большом социальном потенциале детских площадок как возможных объектов конструирования комфортных общественных пространств города.

Ключевые слова: город, визуальная среда, общественное пространство, детская площадка, сетевое взаимодействие, детство.

URBAN PUBLIC SPACE OF CHILDHOOD: BORDERS AND NETWORKS (AN EXAMPLE OF ONE TOMSK PLAYGROUND)

Aleksandra Ermolova

National Research Tomsk State University, Russia
mery-05@mail.ru

The paper deals with the results of research the everyday family practices in public urban environment. The work is based on the empirical research results (interviews, participant observation). The author uses an interdisciplinary approach, theoretically relying on the work of representatives the sociology of everyday life (I. Hoffman). Improvement of urban environment and consideration the needs of families with children come to the forefront in modern cities. The central part of the city is the most development in urban space, since the center of the city is its face. New city areas are equipped with safe and comfortable playgrounds for children and parents. While the old city areas that came from the Soviet past are poorly equipped and unsafe. The main object of our research is the playground in old city areas, as a place for communication of parents, children and other citizens. The author tried to understand: who are the modern visitors of children's playgrounds in old city areas? Why do they need public spaces of childhood? The paper concludes about the heterogeneity and non-obviousness of communities spending time at playgrounds, as well as its wide functional capabilities. This allows us to note the large social potential of children's playgrounds as possible objects for constructing comfortable public spaces in the city.

Keywords: city, visual environment, public space, playgrounds, network interaction, childhood.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-2-177-192

Введение

Внимание к конструированию общественных пространств в городе с каждым годом увеличивается не только со стороны государства и представителей властей разного уровня, но и со стороны общественных организаций, обычных горожан и исследователей. Особенность городского публичного пространства связана с тем, что в нём сталкиваются, взаимодействуют и находятся в присутствии друг друга незнакомые между собой люди. Базовыми характеристиками публичного пространства является отсутствие очевидных барьеров доступа [Шпаковская, Чернова 2017, 163].

Обращение к проблеме организации детских пространств связано с изучением повседневности горожан в целом, так как здесь взаимодействуют детские и взрослые миры одновременно. Р. Ольденбург говорит о том, что фундаментом повседневной жизни человека является «третье место» («первое место» – дом, «второе место» – работа), то есть общественные места для неформальных встреч: кафе, библиотеки, магазины, парки и другие места, формирующие городскую среду [Ольденбург 2014, 35]. «Третьим местом» в жизни современных горожан часто становятся детские площадки; на них можно наблюдать, как проходит повседневная жизнь и формируются персональные связи.

В фокус анализа нашего исследования попало публичное городское пространство детства в одном из «спальных» районов города Томска по причине не только своей открытости, но и многофункциональности, и востребованности у самых разных категорий горожан. На примере этнографии одной детской площадки автор пытается ответить на вопросы: кто посещает детские площадки? кому и для чего необходимы публичные пространства детства?

Антропологическая интерпретация повседневности горожан: драматургическая оптика Гофмана

Изучение повседневности – это специфическая область антропологических исследований. Отдельные аспекты повседневности, такие как быт, одежда, обычаи, – интересовали антропологов и этнографов уже давно; но повседневность как форма существования городского человека стала объектом исследований относительно недавно. Ирвинг Гофман был первым, кто сделал повседневность предметом научной теории. Предложенный им теоретический концепт «фрейма» подходит для этнографического описания публичного пространства детства и является фундаментом для теоретической программы нашего исследования.

В ключевой работе И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» показан мир, где индивиды и группы преследуют лишь собственные интересы. В тех случаях, когда для достижения цели необходимо сотрудничество, они надевают маски и скрывают своё подлинное «Я», представляя себя другим в удобном ракурсе (мистификация, идеализация). Для объяснения своей концепции Гофман прибегает к театральной метафоре, поэтому в дальнейшем его теорию стали называть *драматургической моделью*,

где кроме исполнителей (индивидов) и масок (ролей) описаны также декорации – конкретные жизненные ситуации, влияющие на выбор ролей. Каждый индивид, взаимодействуя с окружающими, ежедневно принимает участие в театральном действии. Поскольку человек так вживается в свою игру, что верит в её правдивость, структура его личности усложняется, в ней появляются множество различных «Я», каждое из которых создаёт свою перспективу социального действия [Гофман 2000, 65].

Позднее драматургическая модель трансформируется в концепцию игры. Игра представляет собой форму взаимодействия «чужаков», которые внимательно изучают друг друга, присматриваются и, наконец, принимают один другого. В этом плане «чужакам» помогают «фреймы» (рамки, образцы, с помощью которых происходит интерпретация действий окружающих людей). «Фреймам» посвящена другая знаковая работа Гофмана – «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта». Фреймы работают, прежде всего, на поддержание доверия и чувства безопасности. Если бы не рутинные правила, мир был бы враждебной средой и каждая встреча несла бы в себе угрозу. «Фрейм, – пишет Гофман, – это матрица возможных событий и совокупность ролей, делающих их возможными». Теперь поток социального взаимодействия может быть проанализирован не просто как дискретный, состоящий из отдельных событий, сплетённый из «отрезков деятельности», но и как «фреймированный», организованный в доступные изучению структуры. «Структура “фрейма” – устойчива и не подвержена влиянию повседневных событий» [Вахштайн 2003, 109].

Поведение индивидов в ситуации соприсутствия (люди действуют как участники ситуации, а не независимо друг от друга), по мнению Гофмана, имеет определённый внутренний порядок – «порядок взаимодействия». Некоторые надындивидуальные конструкты или ритуалы задают схемы повседневного взаимодействия. Подобно тому, как, глядя на действия людей на пешеходном переходе, можно разглядеть в них определённые закономерности, так же порядок взаимодействия обнаруживается и на кухне, и в лифте и т. д. Этот порядок, в отличие от более «грубого» и очевидного (например, правил поведения студента в университете), глубоко усваивается индивидами и воспроизводится повсеместно и ежеминутно. Именно «порядок взаимодействия» в повседневных ситуациях соприсутствия и составляет структуру общества.

Гофман доказал, что надындивидуальное происхождение имеют не только «большие» социальные структуры. Так же социально

обусловлены жизненный опыт, восприятие реальности, индивидуальные действия, в том числе речевые. В самом действии воспроизводятся «порядки интеракции», состоящие из лестницы «фреймов», которая соединяет индивидуальное действие с социальной структурой и институтами «большого» общества [Батыгин 2001, 6]. В своих концепциях – ранней драматургической модели и позднем «порядке взаимодействия» – Гофман анализирует структуры повседневного взаимодействия и приходит к выводу о том, что повседневное поведение представляет собой совокупность надындивидуальных «социальных порядков», или ритуалов взаимодействия.

При интерпретации повседневного взаимодействия горожан на детской площадке мы предлагаем остановиться не только на рассмотрении того, как оно происходит, какие связи образуются, но и на том, за счёт чего происходит их «фреймирование».

Данные и методология

Объектом исследования стала игровая площадка «Фантазия», находящаяся по адресу: г. Томск, Иркутский тракт, 127. Свою историю площадка ведёт с 70-х годов прошлого столетия. В это время был открыт Томский приборный завод, который и начал обустраивать Третий микрорайон. Строительство жилья велось высокими темпами, вместе с этим развивалась и социальная сфера. Налицо была потребность детского времяпрепровождения после школы и садика, поэтому во дворе нового дома появилась детская площадка, отвечающая основным требованиям советского времени: грибок с песочницей, двое качелей, небольшая горка, футбольная площадка и обязательный атрибут городского публичного пространства прошлого – сушилка для белья.

Площадка существовала всегда, но формат, в котором она находится сейчас, был реализован в 2014 году. Открытие новой игровой зоны площадью около 1200 квадратных метров происходило в торжественной атмосфере. Площадка «Фантазия» стала современным объектом городского публичного пространства, на ней приятно и безопасно находиться с детьми. Зонирование по возрастам, фиксированные границы, большая проходимость делают её интересным объектом для антропологических и этнографических исследований. Выбор объекта исследования обусловлен следующими причинами: детская площадка «Фантазия» в 2014 году получила премию администрации города Томска как лучшая дворовая площадка

в рамках проекта «Томский дворик»; удобство расположения площадки и возможность постоянного включённого наблюдения для исследователя.

В основе статьи лежит следующий эмпирический материал:

1) Результаты наблюдений, проводившихся в период с 1 апреля по 1 ноября 2016 года, отражённые в полевом дневнике автора, в котором также имеются фотографии объектов и их границ, а также ситуаций, отражающих способы использования пространства взрослыми и детьми. Для данного кейса был выбран метод наблюдения, т. к. «преимущества включённых наблюдений очевидны: они дают наиболее яркие, непосредственные впечатления о среде, помогают лучше понять поступки людей и действия социальных общностей» [Ядов 2001, 106].

2) Экспертное интервью с руководителем модернизации площадки в 2014 году, директором управляющей компании «Жилфонд» 3. Ю. Дедюриной. Удалось получить информацию не только о процессе создания данного пространства в советские годы и его переустройстве в современном виде, но и дополнить исследование данными о восприятии городского публичного пространства теми, кто их создаёт.

3) Неформализованные интервью с посетителями детской площадки «Фантазия». Беседы проводились не только со взрослыми, но и с детьми, и были посвящены практикам, связанным с посещением детской площадки. Были заданы вопросы, касающиеся цели пребывания на площадке, удобства и комфортности самого места.

Детская площадка «Фантазия»: инфраструктура и границы

Изучение пространства детства в нашем случае проходило в двух аспектах: физическом и социальном. Физическое и социальное неотделимы друг от друга. Например, П. Бурдьё определяет физическое пространство как «социальную конструкцию» [Бурдьё 2007, 50]. Физическое пространство – это продукт социальных отношений. Существует и обратная связь: физическое пространство структурирует социальное. Под физическим пространством здесь понимается инфраструктура площадки, расположение территории, протяжённость и обособление границ. Подробное описание инфраструктуры необходимо, поскольку она регламентирует повсед-

невную деятельность людей, определяя нормы и правила поведения, состав посетителей. «Если вы организуете театр или, скажем, авиационный завод, вы обязаны найти место для того, чтобы люди смогли повесить пальто или припарковать машины; при этом было бы неплохо, если бы и вешалка, и стоянка были бы местами, гарантирующими сохранность пальто и автомобилей» [Гофман 2000, 61]. В материальных объектах закреплён неконструируемый смысл ситуации, они как бы «фреймируют» повседневные взаимодействия горожан на площадке, что и будет продемонстрировано ниже.

Инфраструктура детской площадки «Фантазия» очень разнообразна и функциональна. Остановимся на подробном рассмотрении этой инфраструктуры. Зоны площадки можно разделить на взрослые и детские, а последние дополнительно поделить в зависимости от того, на какой детский возраст они рассчитаны.

Из интервью с З. Ю. Дедюриной:

В: Насчёт игровых зон: мне показалось, что они по возрастам разделены, так ли это на самом деле?

О: Да, да, разделены по возрастам, я сама мама и понимаю, кто где обычно «кучкуется».

В: То есть это такое целенаправленное разделение?

О: Да, я много лет делаю площадки, и всегда их делаю со смыслом.

Первая зона – «малышковая» – предназначена для игр детей от года до трёх лет, в данную зону входит маленькая горка, небольшая песочница и счёты. Она имеет чёткие физические границы. В основном здесь собираются родители с маленькими детьми, возраст которых находится в промежутке от года до трёх. Старшие дети бывают в этой зоне площадки лишь как сопровождающие младших детей – братьев или сестёр (рис. 1).

В «средневозрастную» зону входит горка, турники и песочница. В этой зоне дети возрастом от 3 до 6 лет играют в основном самостоятельно, но иногда здесь появляются и родители, если ребёнок, на возраст которого данная площадка не рассчитана, всё-таки решил поиграть здесь. Особенно это актуально для горки: родители помогают ребёнку подняться и спуститься с неё. Также можно наблюдать детей и старше 6 лет, но их привлекает спортивная часть зоны – турник, винтовой подъём, лестница (рис. 2).

Рис. 1

Рис. 2

«Старшевозрастная» зона – это небольшой спортивный комплекс, включающий в себя канат, гимнастические кольца, стену для скалолазания, лестницы, сетку из тросового каната. Зона рассчитана на детей старше 6 лет и пользуется огромной популярностью у детей в возрасте от 7 до 12 лет (рис. 3). «Подростковая» («Спортивная») зона имеет чёткие физические границы в виде высокой железной сетки, которая нужна в целях безопасности, так как защищает «малышковую» зону от попадания в детей мяча. «Спортивная» зона покрыта песком, здесь есть футбольные ворота. В основном зона используется подростками: они играют в футбол, лапту, «выжигалу».

Рис. 3

Предусмотрено пространство и для взрослых: зона отдыха и зона спорта. Зона отдыха – это несколько лавочек, с которых открывается хороший общий вид на всю площадку. Положительный момент такого расположения – находящиеся рядом деревья; это помогает в летний зной спрятаться от солнца, а в осеннюю непогоду – от мелкого дождика. Последние тенденции, связанные с популяризацией в нашей стране здорового образа жизни, не обошли стороной и детскую площадку «Фантазия». Кроме отдыха, взрослые могут заниматься спортом: тут есть уличные тренажёры.

Ещё одно понятие, которое включает себя физическое пространство, – это границы. Рассматривать границы площадки уместно в двух аспектах: физическом и нефизическом. Площадка имеет

чёткие видимые, физические границы: низкий железный забор. Под нефизическими, невидимыми границами понимаются: временные (утро, день, вечер, ночь), сезонные (зима, весна, осень, лето), нормативные (нарушение которых делает их видимыми). Лето – самый оживлённый период для детской площадки; осенью и весной площадка используется уже не так активно, как летом. Между границами есть корреляция; например, день на летней площадке и на осенней площадке – совершенно разные; на летней жизнь кипит в круглосуточном режиме, а осенью, когда ученики идут в школу, площадка пустеет; здесь можно встретить только мам с колясками или мам, чьи дети ещё не ходят в детский сад или в школу.

Нормативные границы, как правило, становятся видимыми, когда их кто-то нарушает. Если граница зоны нарушается ребёнком младшего возраста, то, как правило, это вызывает умиление у посетителей и сопровождается такими фразами: «Какой маленький, а как хорошо уже на горку залазит», «Какой маленький, но какой шустрый», «Какой молодец, уже на взрослой качели умеешь кататься» и т. п. Совсем другую реакцию посетителей вызывает нарушение границ старшими детьми, особенно среднего школьного возраста: «Это горка для малышей, уходите отсюда», «Здоровые детины залезли и мешают малышам играть». Подобная негативная реакция со стороны посетителей делают границы объекта видимыми.

Физические границы одновременно могут становиться и нормативными. Некоторые повседневные практики взрослых делают границы детской площадки видимыми в понимании других, например, в ситуации с курением. Таблички о том, что курить на детской площадке запрещено, нет; тем не менее, за всё время наблюдения ни один посетитель не позволил себе курить в границах детской площадки. Ситуация вызывает интерес, так как физические границы площадки – условные с точки зрения их фундаментальности, и небольшой железный забор легко переступить. Курящие родители начинают курить рядом с забором, дым летит на площадку, и мамы, и дети чувствуют запах табака, но сам факт того, что курение происходит «вне» границ площадки, освобождает курящих от замечаний или нападок со стороны посетителей, что делает физические границы одновременно и нормативными.

Приведённые выше примеры показывают, что в качестве «фреймов» повседневного взаимодействия горожан могут выступать материальные объекты (например, детские площадки), которые обеспечивают ту или иную траекторию поведению посетителей.

Детская площадка как сеть

Ошибочным считается мнение, что на таких открытых пространствах, как детская площадка, где состав посетителей постоянно меняется, невозможно выделить устойчивые взаимодействия. Своим исследованием мы подтверждаем обратное. Для описания сложившихся взаимодействий на детской площадке «Фантазия» автором был использован сетевой подход. У истоков появления сетевой теории в антропологии стоял признанный классик А. Р. Рэдклиф-Браун, который в 1940 году в своей работе «Структура и функция в примитивном обществе» писал: «Я использую термин “социальная структура” для обозначения такой сети реально существующих отношений <...>. Во-первых, я считаю частью социальной структуры все социальные отношения между двумя отдельными лицами. Во-вторых, я включаю в понятие “социальная структура” дифференциацию индивидов по их социальным ролям. <...> Конкретная реальность, которая интересует нас при изучении социальной структуры, – это сеть действительно существующих (в определённом временном отрезке) отношений – отношений, связывающих воедино некоторое число человеческих индивидов. Именно это мы можем непосредственно наблюдать» [Рэдклиф-Браун 2001, 221].

Понятие «социальной сети» в полевых исследованиях первым использовал Д. Барнс в работе «Классы и собрания в норвежском островном приходе». В основу книги легли материалы о том, как проявляется классовая структура норвежском приходе Берменс, собранные посредством включённого наблюдения. Барнс предложил следующее определение сети: совокупность социальных связей между людьми, в основе которой лежит родство, дружба или знакомство [Barnes 2012, 48]. Кроме этого, он выделил основные характеристики социальных сетей. У сети нет границ и координирующих организаций; элементы социальной сети не фиксированы; социальная сеть представляет собой множество перекрывающихся личных сетей; участники и связи социальной сети постоянно обновляются: одни отношения завязываются, другие разрываются или поддерживаются условно; большая часть связей выстраивается самими участниками, личная сеть уникальна и формируется вокруг Эго; каждый участник видит себя центром социальной сети, а в классовой структуре относит себя к среднему классу; участники сети редко принадлежат к разным социальным классам (хотя иногда социальный статус родственников и соседей по отношению к Эго может отличаться) [Конрой 2015, 41]. М. Каллон и Дж. Лоу в своей работе «The Life and Death of

an Aircraft» говорят о том, что сеть может включать в себя две части: внутреннюю и внешнюю (подсеть). Это деление является важным, так как позволяет охарактеризовать различия в типах связей и элементов сети. Внешние элементы сети, как правило, более крупные и потенциально могут включать в себя огромное число элементов, в то время как внутренние, наоборот, содержат небольшое количество элементов, поэтому связи между ними прочные.

Используя это деление, опишем внутренние и внешние подсети детской площадки «Фантазия». К внешним подсетям отнесём такие категории, как «Родители» (мамы и папы), «Старшее поколение» (бабушки и дедушки, пенсионеры), «Дети». Изучаемый объект не имеет устойчивой структуры, поэтому такое деление не является жёстким, так как элементы сети очень подвижны. Каждая из выделенных внешних подсетей имеет внутренние элементы.

Рассмотрим самую многочисленную подсеть – «Родители». Это, как правило, мамы и папы, чьи дети в данный момент находятся на детской площадке. Здесь можно встретить семьи, гуляющие отдельно, группы семей, проводящие время совместно, отдельные группы мам и отдельные группы пап. Хотя говорить о группах пап можно довольно условно: как правило, они гуляют с детьми от 3 до 8 лет, это дети, которые уже не требуют пристального внимания со стороны взрослого, поэтому папа может в это время разговаривать по телефону или просто смотреть в него. Чего не скажешь о мамах, гуляющих с детьми. Конечно, есть матери, которые гуляют в одиночестве, но большинство из них можно распределить в группы в зависимости от цели посещения. Есть «заинтересованные» мамы, площадка для них – место, где они могут провести время со своим ребёнком; они играют с ними в совместные игры, пускают мыльные пузыри, строят фигурки в песочнице (Группа 1). Другая категория – это мамы, пришедшие на площадку в первую очередь пообщаться друг с другом (Группа 2).

Подсеть «Дети» – самая очевидная и мобильная. Как правило, дети делятся в группы по возрастному признаку, но чётких структурных границ между ними нет: они быстро знакомятся друг с другом, быстро находят для себя общее занятие, обычно старшие дети привлекают младших в свои игры. Дети от 1 до 3 лет гуляют с мамами, основная их деятельность – игры в песочнице, качание на качелях, катание с горки. Дети от 3 до 8 лет тоже гуляют с мамами, но они более самостоятельные, чем дети первой группы; мама здесь играет роль «наблюдателя», а не участника совместной деятельности. Дети от 8 до 12 лет в основном гуляют без присмотра родите-

лей, взаимодействуют друг с другом или с детьми старше себя; их основные игры – сюжетно-ролевые («дочки-матери», «зомби», «магазин», «стройка», «горячо-холодно»). Дети от 12 до 16 лет гуляют самостоятельно; практически всегда присутствуют группы, разделённые по гендерному признаку; предпочитают спортивные игры: футбол, лапту, «выжигалу». Дети старше 16 лет – особая категория; это всё ещё дети, но себя они детьми не считают. Казалось бы, встретить их в пределах детской площадки сложно, исключая случаи присмотра за младшими детьми. Но и эта категория находит для себя место на детской площадке, как правило, в вечернее время, когда наплыв посетителей становится меньше и их место занимают подростковые влюблённые пары.

Не такая очевидная группа посетителей детской площадки, как первые две, – это группа «Старшее поколение». Бабушки или дедушки, гуляющие с внуками, или группа пенсионеров, как правило, занимают одно и то же место на детской площадке – лавочки под деревьями, обсуждая актуальные вопросы политики, жизни города, проблемы ЖКХ. Для них публичное пространство детства в первую очередь – это пространство для общения.

Процесс воспроизводства повседневных практик взаимодействия на детской площадке можно отобразить в такой инфографике (рис. 4).

Рис. 4

Заключение

Детская площадка выступает наглядным примером не только гетерогенности публичного пространства детства, но и его широкого функционала. Основная и самая очевидная функция площадки – это общение и взаимодействие детей и взрослых друг с другом. Если для таких категорий, как дети и родители, посещение детской площадки очевидно и естественно, то для пенсионеров, например, детские площадки также могут стать местом отдыха и общения. Ещё одна неочевидная, но важная функция – это формирование ценности здорового образа жизни. На площадке есть спортивное оборудование для игры в футбол и баскетбол, также установлены уличные тренажёры. Возобновление сдачи норм ГТО привело к тому, что всё чаще детские площадки стали соседствовать с тренажёрами для подготовки к сдаче спортивных нормативов. Пока дети гуляют, родители могут заняться спортом или привлечь к этим занятиям детей. За время проведения исследования автор стал свидетелем ещё одного альтернативного использования публичного пространства детства: проведение детских праздников. В первом случае это был праздник в честь дня защиты детей, организованный местной управляющей компанией. Второй случай – это личная инициатива родителей, организовавших день рождения своему ребёнку прямо на детской площадке, пригласив аниматора и раздавая сладости всем юным посетителям.

Американская урбанистка А. Джекобс критикует «мифологию детских площадок» как особых пространств в городе, специально предназначенных для детей. [Шпаковская, Чернова 2017, 163]. Проведённое исследование показывает, что её критика обоснована, так как в публичных пространствах детства нуждаются не только дети, но и взрослые, а это значит, что в конструировании комфортных публичных городских пространств детства нуждается гораздо большее количество горожан, чем может показаться на первый взгляд.

Антропологическое описание публичного пространства детства позволило прийти к следующим выводам. Несмотря на то, что детская площадка – это публичное место и её посещает большое количество детей и взрослых, постоянное наблюдение выявило существование стабильных взаимодействий и объединение участников в разные группы в соответствии с характером взаимодействий. Самая многочисленная группа – это группа мам от 32 до 38 лет; у каждой из них двое детей разного возраста (от 2 до 8 лет). Основная

цель посещения ими площадки – общение друг с другом. Взаимодействия между ними оказались самыми крепкими, так как объединяют их не только совместные прогулки, но и повседневные практики вне «жизни» на площадке. Их старшие дети ходят в одну школу или детский сад, они общаются на личные темы во время прогулки. Ещё одна интересная группа, выделенная в процессе этнографического описания площадки, – это папы. Пап можно увидеть на площадке не так часто, как мам. Они создают единую группу, но при этом все держатся отдельно друг от друга, не стремятся к общению с другими папами или мамами, как правило, проводят время либо со своим ребёнком, либо с телефоном.

Комплексное изучение детской площадки может стать ключом к пониманию детской, гендерной, социальной, повседневной истории России. Включение исследований городских публичных пространств детства в исследования социологов, антропологов, этнографов в качестве самостоятельного предмета научного рассмотрения может стать важным шагом в развитии таких направлений, как антропология города или социология детства. Кроме того, такие исследования могут иметь и практическое значение для структур, отвечающих за обустройства города, для представителей администраций, курирующих социальную политику. На основании подобных исследований можно делать выводы о том, какие публичные пространства детства можно считать комфортными, чего не хватает современным родителям, чтобы город стал доступным и безопасным для их детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бурдье 2007 – *Бурдье П.* Социология социального пространства / Пер. с фр. Москва, Санкт-Петербург, 2007.
- Батыгин 2001 – *Батыгин Г. С.* Континуум Фреймова: Драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 5–25.
- Вахштайн 2003 – *Вахштайн В.* Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. № 4. С. 104–118.
- Гофман 2000 – *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалёва. Москва, 2000.
- Конрой 2015 – *Конрой Н. В.* Сетевой анализ в антропологии: история и современность // Инновации в антропологии: новые направле-

- ния, объекты и методы в российских антропологических исследованиях. Москва, 2015. С 43–44.
- Рэдклифф-Браун 2001 – Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / Пер. с англ. Москва, 2001.
- Ольденбург 2014 – Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. Москва, 2014.
- Шпаковская, Чернова 2017 – Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружелюбный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160–177.
- Ядов 2001 – Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. Москва, 2001.
- Barnes 2012 – Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 1954. Vol. 7. 1. P. 39–58.

Материал поступил в редакцию 18.08.2018